

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: БЫЛ ЛИ НЕИЗБЕЖЕН ОКТЯБРЬСКИЙ ФИНАЛ? (по материалам эмигрантской мемуаристики)

Любовь Николаевна Лисенкова *

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Лисенкова Л.Н. (2017) Революция 1917 года: был ли неизбежен октябрьский финал? (по материалам эмигрантской мемуаристики). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 169–184. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.9>

Аннотация. Послеоктябрьские эмигранты, обладавшие высоким интеллектуальным потенциалом и бесценным политическим опытом, оставили богатейшее мемуарное наследие. Насильственный характер разрыва с Отечеством определил политическое содержание большинства воспоминаний, в которых ведущей была тема русской революции 1917 г.

После гибели монархии не только кадеты, но и социалистические партии — меньшевики и эсеры — поддержали либерально-буржуазный вариант преобразования российского общества. Однако в 1917 г. демократические силы не смогли обеспечить развитие страны по реформистскому пути. Вопрос о причинах и виновниках октябрьской трагедии был главным, над которым мучительно размышляли в изгнании руководители Февраля.

Большинство мемуаристов было убеждено, что большевистский финал русской революции можно было предотвратить, и анализировало ошибки и просчеты, которые допустили в своей деятельности правящие политические партии и их лидеры. Кадеты обвиняли умеренных социалистов в том, что они не осознали необходимости принятия решительных мер против сторонников утопических экспериментов. Уже летом 1917 г. альтернативу большевизму кадеты видели в установлении военной диктатуры. Персональную ответственность за приход к власти большевиков либералы возлагали на премьер-министра А.Ф. Керенского, который, «предав» в августе 1917 г. генерала Л.Г. Корнилова, лишил страну последнего шанса создать сильную национальную власть.

Меньшевики и эсеры вину за срыв демократического процесса в 1917 г. возлагали не только на большевиков, но и на правые силы. Кадеты, по их мнению, постоянно тормозили проведение социально-экономических реформ и сознательно затягивали созыв Учредительного собрания, а «безумная авантюра» генерала Л.Г. Корнилова окончательно разрушила дисциплину в войсках, подорвала авторитет правительства и привела к резкому усилению влияния большевиков.

Лидер кадетской партии П.Н. Милюков сформулировал важный социологический закон «полевения революции», согласно которому русская революция не могла остановиться на полпути и должна была достигнуть крайней октябрьской стадии.

* E-mail: lunili@yandex.ru

Профессиональный историк предлагал искать объяснение «национального лица» русской революции в прошлом и приходил к фаталистическому выводу: «большевизм — специфический итог русской истории».

Теоретик эсеровской партии В.М. Чернов победу большевиков в октябре 1917 г. оценивал как закономерный и неизбежный эпилог «охлократического» вырождения русской революции.

Политические лидеры эмиграции пришли к заключению, что именно война окончательно оформила и закрепила исторические предпосылки торжества большевизма, а неспособность Временного правительства выйти из войны явилась главной причиной поражения демократических сил в 1917 г.

Ключевые слова: революция 1917 г., Русское зарубежье, мемуаристика, кадеты, эсеры, меньшевики, большевики

Послеоктябрьская эмиграция — социально-политическое и культурное явление, отразившее трагедию национального раскола России в 1917 г. После революции и до начала 1920-х гг. отечество покинуло 1,5–2 млн. человек. За границу людей гнал не только ужас насилия и гражданской войны, главным было неприятие новой советской власти. За пределами страны оказалась также значительная часть русского населения, которая проживала на территориях, утраченных Советской Россией по международным договорам. Всего в 1920–1930-е гг. за рубежом насчитывалось около 10 млн. бывших российских подданных.

Ностальгия стала одной из причин создания большого количества произведений мемуарного жанра. Насильственный характер разрыва с Отечеством определил политическое содержание большей части воспоминаний, в которых тема русской революции, осмысление ее истоков и трагических уроков, была ведущей. Авторы воспоминаний, отражая прошлое через призму индивидуального восприятия, стремились объяснить свою позицию, оправдать деятельность своей партии и обвинить политических противников. Это сказывалось на отборе фактов, их трактовке и интерпретации. Но субъективность и пристрастность не уменьшает ценность данного исторического источника, давая представления о мыслях, чувствах, истинных мотивах, которыми руководствовались политики в 1917 г.

Размышляя о судьбах русской революции, мемуаристы опирались, прежде всего, на свои политико-идеологические убеждения, и хотя в изгнании они часто дискутировали между собой и иногда стояли на разных позициях, тем не менее, в их оценках много общего, поэтому классификация мемуарного наследия Русского зарубежья по идейно-партийному принципу является, по нашему мнению, наиболее оправданной. Автор исследует три идейно-политических направления в эмигрантской мемуаристике: либерально-демократическое (кадеты), неонародническое (эсеры), социал-демо-

кратическое (меньшевики). Монархический лагерь, который после февраля 1917 г. исчезает с российской политической сцены как влиятельная и самостоятельная сила, остался незатронутым. В статье проанализированы воспоминания, авторы которых играли лидирующую роль в событиях 1917 г. или участие которых в революции было наиболее репрезентативным, а также мемуары, оказавшие наибольшее влияние на становление и развитие эмигрантской историографии.

После гибели монархии Россия оказалась на историческом перепутье, перед ней открылось несколько альтернативных путей дальнейшего развития. Не только кадеты, но и социалистические партии — меньшевики и эсеры — поддержали либерально-буржуазный вариант преобразования российского общества. Однако в 1917 г. демократические силы не смогли обеспечить развитие страны по реформистскому пути. Вопрос о причинах и виновниках октябрьской трагедии был главным, над которым мучительно размышляли в изгнании деятели Февраля.

Большинство мемуаристов было убеждено, что большевистский финал русской революции можно было предотвратить, и анализировали ошибки и просчеты, которые допустили в своей деятельности правящие политические партии и их лидеры. «Революция провела грань между настоящим и прошлым; но нашему поколению было дано жить в *обеих* эпохах; оно может сочетать в себе беспристрастие историка с осведомленностью современника, быть историком *современных событий*, — писал кадет В.А. Маклаков. — Свое прошлое мы можем наблюдать в исторической перспективе, зная, к чему оно привело; может, поэтому теперь судить о нем вернее, чем раньше» (Маклаков 1929: 278).

Многие кадетские деятели объясняли трагический рисунок русской революции крутым разрывом с политической символикой прошлого. Лидер партии, историк П.Н. Милюков вспоминал о своей безуспешной попытке убедить великого князя Михаила Александровича воспринять переданную ему верховную власть. «Временное правительство одно, без монарха, — предупреждал он, — явится “утлой ладьей”, которая может потонуть в океане народных волнений, стране при этих условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия» (Милюков 1921, вып. 1: 54). Михаил Александрович отказался принять российский престол. «За ним не чувствовалось любви и боли за Россию, а только страх за себя, — с горечью замечал лидер кадетской партии. — ... совершилась первая капитуляция русской революции... создалось положение дефектное в самом источнике, положение, из которого должны были развиваться все последующие ошибки революции» (Там же: 55).

В роковом бессилии новой революционной власти заключалось главное несчастье России. Председатель Союза офицеров армии и флота, полков-

ник, кадет Л.Н. Новосильцев вспоминал: «Сверху не было твердости. Анархия была неизбежным следствием того безвластия, которое наступило. Все во всех местах говорили и говорили, дела же не было видно. Невежество и глупость лезли наверх и готовили гибель России» (Новосильцев, л. 55). С горечью полковник писал о позорных для русской армии многочисленных случаях братания с врагом, насилии солдат над офицерами, самовольном оставлении боевых позиций, массовом дезертирстве. «Армии уже не существовало. Была своевольная, митингующая и политизирующая банда», — был отчаянно резок и категоричен в своих оценках Л.Н. Новосильцев (Там же, л. 96).

Вину за развал армии, слабость и беспомощность новой власти либералы возлагали на возглавляемые меньшевиками и эсерами Советы, которые постоянным вмешательством в дела Временного правительства парализовали его работу. Убежденное в невозможности социалистического переворота в России и признающее необходимость сотрудничества с буржуазией, умеренное советское большинство в то же время не могло разорвать нитей, связывавших его со сторонниками борьбы за пролетарскую диктатуру. «Это внутреннее противоречие и вытекавшая из него неустойчивость тактики и погубила социалистический блок, — констатировал кадет П.Н. Милюков. — Она просто сделала его ни для кого не нужным. Ибо позиция “буржуазной революции” лучше и последовательнее защищалась несоциалистическими течениями и наиболее организованными из них, партией народной свободы. А позиция “социалистической революции”, опять-таки, если не лучше, то последовательнее развивалась большевистскими демагогами, находившими веру у солдат и рабочих» (Милюков 1921, вып. 2: 7–8). Отвергая применение силы государственной властью, революционная демократия обрекала правительство на бездействие. Новый премьер-министр России А.Ф. Керенский, постоянно балансируя то вправо, то влево и проявляя при этом значительную ловкость и гибкость, психологически не мог решиться на принятие конкретных мер, не укладывающихся в кодекс «непротивления». «Видя бессилие и связанность данной власти, — приходил к выводу П.Н. Милюков, — обыватель начинал искать другой, настоящей. И, смотря по политическому настроению, за Керенским уже вырисовывался либо Корнилов, либо Ленин» (Там же: 40). Страна была поставлена перед выбором: диктатура справа или слева.

Деятели кадетской партии были единодушны в том, что только установление в России летом 1917 г. военной диктатуры могло предотвратить приход к власти большевиков (Оболенский 1988: 538). Но, вступив в борьбу с генералом Л.Г. Корниловым, премьер А.Ф. Керенский лишил страну последней возможности выйти из состояния распада и создать сильную национальную власть. «Понимал ли Керенский в эту минуту, что, объявляя себя

противником Корнилова, он выдает себя и Россию с руками Ленину? Понимал ли он, что данный момент — последний, когда схватка с большевиками могла быть выиграна для правительства? — спрашивал П.Н. Милюков. — ... Если можно сосредоточить в одной хронологической точке то “преступление” Керенского перед Россией, о котором много говорили, то это “преступление” было совершено в эту минуту, вечером 26-го Августа... 26-ое Августа предопределило 26-ое Октября» (Милюков 1921, вып. 2: 216–217).

После неудачи выступления Л.Г. Корнилова политический маятник качнулся резко влево: Петроградский Совет стал прочной базой большевиков в борьбе за власть. «Сторонники “солдатской и рабочей и крестьянской советской республики”, — по словам П.Н. Милюкова, — были вне конкуренции, ...благодаря абсолютным лозунгам, которыми оперировали, темноте масс, на которые действовали эти лозунги, безграничной развязности приемов, от иноземного подкупа до вооруженных захватов» (Милюков 1923: 3–4). Но «товарищеская близость» к большевикам умеренных течений русского социализма мешала им понять всю трагичность положения и необходимость принятия жестких мер против сторонников утопических экспериментов. Классовая позиция меньшевиков и эсеров, настаивали кадеты, оказалась тем «подводным камнем», о который суждено было разбиться русской революции.

Преступную пассивность и нерешительность проявлял премьер-министр А.Ф. Керенский. «Потеряв под собой почву, чем дальше, тем больше, Керенский обнаруживал все признаки того патологического состояния души, которое можно было бы на языке медицины назвать “психической неврастенией”», — был беспощаден в своем диагнозе П.Н. Милюков (Там же: 78). Постоянными колебаниями, отсутствием воли к действию премьер-министр обрек правительство на положение жалкой беспомощности. Большевики открыто готовили вооруженный переворот.

В дни октябрьского восстания А.Ф. Керенского покинули все, ни на одном из флангов русской общественности не обнаружилось твердой решимости защитить Временное правительство. «Злой рок судил, чтобы в ту минуту, когда нужно было собрать все силы на защиту русской государственности, эта государственность называлась именем Керенского, — писал кадетский лидер. — И своей легкой победой большевики в весьма значительной степени были обязаны тем, что имели такого противника в высоком звании Верховного Главнокомандующего» (Там же: 240).

Субъективные причины, приведшие к поражению демократических сил в 1917 г., исследовали и деятели социалистического фланга эмиграции. Вину за особо разрушительный характер русской революции меньшевики и эсеры возлагали, прежде всего, на большевиков, которые подвергли страну утопическим экспериментам, но и на «правые» силы. Кадеты, по их мнению,

постоянно тормозили решение неотложных социально-экономических вопросов и сознательно откладывали созыв Учредительного собрания. Один из деятелей меньшевистской партии В.С. Войтинский писал: «Не было бы “десяти дней, которые потрясли мир” в ноябре, если бы Учредительное Собрание было создано в сентябре, как обещало первое коалиционное правительство в мае!» (Woytinsky 1960: 399). Но самый тяжелый удар по демократическому режиму был нанесен неудавшимся «мятежом» генерала Л.Г. Корнилова. Доверие между солдатами и офицерами, с таким трудом созданное выборными армейскими комитетами, было разрушено. Умеренные социалисты потеряли лидирующие позиции в Советах. «Демократическая революция приближалась к концу. Генеральский мятеж открыл Ленину путь к власти», — констатировал В.С. Войтинский (Там же: 355).

Шли годы, меньшевики и эсеры признали справедливость обвинений в недооценке ими «левой опасности». «Революция не знает врагов слева — таково было идейное завещание, полученное нами от великих движений прошлого... — вспоминал лидер меньшевиков И.Г. Церетели. — Когда мы думали о тех реальных опасностях, которые могут встать на пути революции после свержения царизма, то нашему воображению всегда представлялся какой-нибудь новый Кавеньяк, ведущий вооруженную солдатчину против рабочих» (Церетели 1963: 409) Большевистскую опасность лидеры советской демократии не принимали всерьез, ибо не предполагали, что опасность для революции может прийти «слева». На сторонников В.И. Ленина смотрели как на максималистов, которые, в худшем случае, могут «расчистить путь контрреволюции». Социалистам было психологически сложно согласиться на принятие необходимых репрессивных мер против большевистской партии. «Вспоминаю вечер, — писал И.Г. Церетели, — когда мы, министры-социалисты, делали доклад на собрании руководителей большинства Исполнительного Комитета о решении правительства арестовать Ленина и других вожakov июльского восстания. Все как-то растерялись. Либер, наиболее импульсивный из всех, взволнованно воскликнул: “История будет считать нас преступниками!” — и с ним произошел сильный нервный припадок. А между тем Либер был одним из самых решительных противников большевиков... И если, тем не менее, такова была его нервная реакция на сообщение о решении применить репрессивные меры против большевиков, то легко можно понять, каковы были настроения большинства наших товарищей» (Там же: 411–412). Революционная демократия не сумела создать сильную государственную власть, способную защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак «левого максимализма», и это «предопределило закат, а затем и полное крушение демократического строя» (Там же: 408).

Свои ошибки умеренные социалисты видели также в том, что в жертву политики сотрудничества с либералами принесли программу неотложных

социально-экономических реформ, медлили с созывом Учредительного собрания, согласились на продолжение участия России в мировой войне. Отмечая глубокое отчуждение и антагонизм между кадетской партией и советской демократией, бывший министр земледелия, лидер эсеровской партии В.М. Чернов в своих воспоминаниях писал: «Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к взаимной нейтрализации, то есть параличу творческой деятельности правительства. Невозможность же откликнуться на неотложные вопросы жизни вела к постоянным конфликтам внутри правительства, к министерским кризисам, перестройкам в личном составе, после чего опять начиналась все та же “сказка про белого бычка”, создавая впечатление неустойчивости, неавторитетности власти и никчемности ее существования» (Чернов 1934: 337–338). Словно утопающий за соломинку, хватались меньшевики и эсеры за «бесплодную» коалицию с «революционерами поневоле» из цензовиков. Эпидемия «властобязни» охватила революционную демократию. Единственной партией, обладавшей «волей к власти», были большевики, которые, настаивал В.М. Чернов, «*похитив у эсеров их аграрную программу, — беспощадно ее изуродовав, в то же время силою ее популярности утвердились у власти*» (Чернов 1923: 21).

В эмиграции теоретики меньшевиков и эсеров много писали о том, что необходимо было разорвать «бесплодную» коалицию с кадетами, взять курс на незамедлительный выход из войны и проведение радикальных преобразований. Только такая политика позволила бы революционной демократии сохранить доверие масс и обеспечить реализацию реформистской альтернативы. Однако попытки создания широкого правительственного блока социалистических партий не увенчались успехом. Как признавал участник переговоров под эгидой Викжеля Р.А. Абрамович, соглашение не было достигнуто не только по вине большевиков — жесткую и бескомпромиссную позицию заняли меньшевики и эсеры (Абрамович 1960; Abramovich 1962). Шанс остановить страну у порога гражданской войны был упущен.

Социалисты-эмигранты обратили внимание на психологический фактор, сыгравший непосредственную роль в повороте событий от Февраля к Октябрю. Стремительное крушение монархии порождало веру в неограниченные возможности революции. Жажда свободы, радикальных перемен и социальной справедливости быстро овладела массами. Но продолжалась малопонятная и жестокая война, Временное правительство откладывало решение земельного вопроса, росла промышленная разруха, усиливался продовольственный кризис. Медлительность в разрешении кардинальных проблем общественной жизни вызвало глубокое разочарование масс, которые легко отдали свои симпатии партии «утопизма и демагогии». Февраль обманул социальные ожидания народа — этим умеренные социалисты объясняли победу большевиков.

Подобный взгляд на причины поражения демократических сил настойчиво оспаривал бывший премьер-министр А.Ф. Керенский (Керенский 1993). В кругах русской эмиграции его считали одним из главных виновников торжества большевистской диктатуры. Белогвардейцы не могли простить ему «измены» генералу Л.Г. Корнилову, лидеры социалистической демократии критиковали его за нерешительность в проведении реформ. В своих многочисленных статьях и книгах, написанных ярко, эмоционально, талантливо, А.Ф. Керенский стремился к самозащите и самооправданию. Он отвергал все обвинения в слабости и бездеятельности возглавляемого им правительства, настаивая, что «в той исторической обстановке, в условиях военного времени, больше дать государству, хотя бы сто раз революционное, никаким массам не могло» (Керенский 1922: 289). В правительственной коалиции либеральных и социалистических партий премьер-министр видел единственное средство спасения России от надвигающегося хаоса гражданской войны, даже спустя годы не сомневался в правильности проводимого им курса на объединение «всех живых сил страны», политики лавирования и компромисса. Вину за падение Временного правительства А.Ф. Керенский возлагал не только на В.И. Ленина и большевиков, но и на смелого, однако политически наивного генерала Л.Г. Корнилова, поддержанного кадетскими лидерами и союзными посольствами. «Заговор генералов, — писал бывший премьер-министр, — неожиданно открыл большевикам дорогу к власти, немцам в Брест-Литовск, а России — в бездну безысходных мук и национальных унижений» (Керенский 1936: 7).

Не следует забывать, что в немалой степени ошибки и просчеты А.Ф. Керенского как главы правительства помешали реализовать реформистский потенциал Февраля. Лидеры социалистической демократии были убеждены, что даже в критические дни Октября была реальная возможность избежать трагического поворота событий, если бы премьер-министр решился на шаги, показывающие искреннее желание Временного правительства заключить мир, отдать землю крестьянам и созвать Учредительное собрание. «Мы требовали от правительства, — вспоминал Ф.И. Дан, — НЕМЕДЛЕННОГО обращения к союзникам с предложением открыть переговоры о всеобщем мире; НЕМЕДЛЕННОЙ передачи всех помещичьих земель в руки местных земельных комитетов как залога разрешения аграрного вопроса в духе требований крестьянской массы; УСКОРЕНИЯ созыва Учредительного Собрания» (Дан 1923: 168). Но Временное правительство оставалось глухо к предложениям революционной демократии, которые позволили бы ему вернуть народное доверие. «Керенский с закрытыми глазами катился в пропасть», — писал меньшевистский деятель (Там же: 171).

В ночь на 25 октября 1917 г. лидеры Предпарламента Ф.И. Дан, А.Р. Гоц и Н.Д. Авксентьев направились в Зимний дворец, чтобы в последнюю мину-

ту еще раз указать правительству путь к спасению. Настойчиво и горячо убеждали они А.Ф. Керенского принять безотлагательные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном Собрании, немедленно оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш. «Только такие меры, — настаивал Ф.И. Дан, — вырвут почву из-под ног большевиков, эксплуатирующих в своих целях настроения разлагающейся на 90/100 крестьянской армии, и дадут в руки правительства силы, достаточные для противодействия всяким попыткам насильственного его низвержения» (Там же: 172). Премьер-министр с крайним раздражением отнесся к советам руководителей революционной демократии, высокомерно заявил, что правительство в указаниях не нуждается и теперь время не разговаривать, а действовать. «С тяжелым чувством мы покидали дворец, — вспоминал Ф.И. Дан. — Жребий был брошен...» (Там же: 175). Керенский избрал силовые методы борьбы с Лениным и проиграл.

Деятели эмиграции исследовали также объективные причины победы большевиков. П.Н. Милюков предлагал искать объяснение «национального лица» русской революции в прошлом. Основная особенность исторического развития России заключалась в «известной слабости сцепления и цементирования частей, составляющих социальный агрегат»: 1) отчужденность масс и государственной власти; 2) острота классовых противоречий; 3) оторванность интеллигенции от низов, ее склонность к максимализму и утопическим решениям; 4) наличие центробежных национальных тенденций. «Соединенным результатом действия этих факторов явился русский большевизм — специфически русский продукт, выросший на национальной почве и невозможный в этом виде нигде, кроме России», — констатировал историк (Милюков 1927: 29–38).

Размышляя над индивидуальными чертами и общими закономерностями революционного процесса, П.Н. Милюков сформулировал важный социологический закон «*полевения революции*», согласно которому русская революция не могла остановиться на полпути и должна была достигнуть крайней октябрьской стадии (Там же: 40–41). Многие явления, характеризующие наступление большевистского режима, по мнению историка, явственно обозначились уже к концу февральского периода революции. Он писал: «Раньше, чем стать большевистской, Россия созрела для большевизма» (Там же: 100). «Военный коммунизм», развившийся во время войны в результате чрезвычайного расширения функций государства, делал более легким переход к большевистской диктатуре. «Солдаты уже начали самочинно прекращать войну, крестьяне захватывали земли, рабочие начали захватывать фабрики, — вспоминал Милюков. — Ленину оставалось только санкционировать совершившийся процесс, чтобы привлечь на свою сторону сочувствие солдат, крестьян и рабочих» (Милюков, ГАРФ, л. 27 об.).

В исторической отсталости страны представители социалистического крыла эмиграции усматривали глубинные корни торжества большевизма. Веками накапливаемые неразрешенные проблемы, отмечал лидер эсеровской партии В.М. Чернов, обусловили «синтетический», «многоэлементный», «универсальный» характер русской революции. Он писал: «В этой революции Россия одновременно переживала и религиозную реформацию, и антирелигиозную борьбу энциклопедистов, и революцию политическую, и ряд революций национальных, и революцию аграрную, и пролетарскую “Коммуну”» (Чернов 1934: 412). Совпадение по времени ряда задач, разрешавшихся в других странах в результате нескольких революций, обеспечило молниеносную победу Февраля над трехсотлетней монархией, но и предопределило трагическую развязку русской революции.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. В.М. Чернов оценивал как закономерный и неизбежный эпилог «охлократического» вырождения русской революции. «Народ, увы, не похож на пастушков с картин Ватто ..., — замечал он. — И “в те дни, когда спадают цепи с усталых рук, с ослабевших ног”, рядом с творческими силами народными раскрываются и все народные инстинкты — добрые и злые» (Чернов 1927: 8).

Отличительная особенность социально-экономического развития России заключалась в неблагоприятном соотношении между положительными и отрицательными сторонами русского капитализма. «Нигде, быть может, в такой степени, — писал В.М. Чернов, — не свирепствовало капиталистическое накопление, в союзе с бюрократическим хищничеством и дворянско-крепостнической эксплуатацией, разрушая все старые “устои”, выбивая хозяйственную почву из-под ног, выводя из жизненной колеи, переворачивая вверх дном, создавая брожение, развал и распад, как в России» (Чернов 1918: 212). Война, более трех лет истощавшая страну, усилила процессы «обосаживания» пролетариата и крестьянства, и в революции 1917 г., которую эсеровский теоретик характеризовал как «революцию отчаяния», «революцию от истощения», всплыла на поверхность озлобленная масса деклассированных элементов. «Демос» как народ, проникнутый единым сознанием, единой волей и высокоразвитой самодисциплиной, расплылся и потонул в «охлосе», толпе, черни. Большевик В.М. Чернов называл «угодниками толпы», подслушивающими голоса ее страстей и инстинктов, и приходил к выводу, что «большевизм лишь концентрировал в себе известную сторону охлократических тенденций революции» (Чернов 1927: 11).

Размышляя над причинами кроваво-трагического пути, по которому пошла русская революция, меньшевик Ф.И. Дан пришел к выводу об исторической обусловленности и неизбежности большевистской диктатуры. «Отцом большевизма, — писал Ф.И. Дан, — является сверх меры зажившийся ЦАРИЗМ и упорно поддерживавшие этот ходячий и смердящий труп

ГОСПОДСТВУЮЩИЕ КЛАССЫ. Это накопленные ими в народных массах нищета, невежество, некультурность, злоба и отчаяние облекали зачастую революционный процесс в такие грубо-утопические и варварски-жесточкие формы, которые позволили БОЛЬШЕВИЗМУ возглавлять его» (Дан 1927: 7). Роковую роль в развитии революции сыграла мировая война. Помимо глубоких экономических и моральных потрясений, она «разводнила» пролетариат множеством пришельцев из крестьянства и мещанства, сделала крестьян, сосредоточенных на фронте и в тыловых гарнизонах, решающим фактором революции. Эти массы, лишенные политического опыта, «одним прыжком перескочившие из рабства царизма в безграничную свободу революции», легко попадали под власть утопий и иллюзий, свои симпатии отдали партии большевиков, демагогически обещавшей немедленное удовлетворение всех их стремлений. «Именно война, — писал Ф.И. Дан, — окончательно оформила и закрепила те исторические предпосылки для возглавления революции БОЛЬШЕВИЗМОМ, которые и без того были подготовлены всем ходом развития сословно-монархической России» (Там же: 8).

Одной из основных причин Февральской революции было утомление войной и нежелание ее продолжать, немедленное достижение мира стало главным условием сохранения хрупкой российской демократии. Меншевик-интернационалист Ю.О. Мартов предупреждал: «или революция убьет войну, или война убьет революцию» (Абрамович 1949: 11). Уже к весне 1917 г. страна была не в состоянии ни психологически, ни военно-технически продолжать войну. «На всех заседаниях ЦИК, — вспоминал меньшевик Р.А. Абрамович, — делегаты с фронта, верные и преданные демократы, не переставали предупреждать нас, что с наступлением осени ни одного солдата нельзя будет удержать в траншеях» (Там же). Государственная мудрость и подлинный патриотизм требовали решительных шагов к миру. Вожди Февраля категорически отрицали не только сепаратный мир, но и сепаратный выход из войны, такой шаг общественное мнение страны расценило бы как «национальную измену» и «предательство». «В печальном исходе Февраля не было виновников, была не вина, а беда», — с горечью замечал Р.А. Абрамович (Там же). Революционная демократия не смогла «убить войну», и «война убила революцию».

Большинство деятелей кадетской партии, в отличие от социалистов, были убеждены, что сама революция явилась, главным образом, патриотическим протестом против неумелого, бездарного и преступного ведения войны царским правительством. Лидер партии П.Н. Милюков, возглавив министерство иностранных дел в первом Временном правительстве, последовательно выступал за продолжение «войны до победного конца» в тесном единении с союзниками. Лишь немногочисленные представители левого

крыла партии понимали, что Февраль был вызван усталостью от войны. «Если бы в первые же недели, — писал кадет В.Д. Набоков, — было ясно со-знано, что для России война безнадежно кончена и что все попытки продол-жать ее ни к чему не приведут, — была бы по этому основному вопросу дру-гая ориентация и — кто знает? — катастрофу, может быть, удалось бы предотвратить» (Набоков 1921: 41). В эмиграции П.Н. Милюков признал, что война, вернее, неспособность Временного правительства закончить войну, привела страну к торжеству большевизма. Свою позицию он объяс-нял тем, что «выйти из войны... можно было только посредством сепарат-ного мира. А это рассматривалось как позор, несовместимый с честью и достоинством России» (Милюков 1955: 338–339). В решающем вопросе ре-волюции — вопросе о войне — политика кадетов невольно содействовала успеху большевиков.

Российская политическая элита 1917 г., когда-то много и ярко критико-вавшая государя Николая II и царскую бюрократию, оказалась неспособной ответить на вызовы революционного времени. Лидеры Февраля, знатоки права, блистательные ораторы и талантливые публицисты не смогли соз-дать сильную государственную власть, медлили с созывом Учредительного собрания, не решились на проведение радикальных реформ, и прежде все-го — аграрной. И главное — им не хватило политического реализма и реши-мости обеспечить безотлагательно выход России из войны. В стране, изму-ченной затянувшейся войной, партия, обещавшая мир, какой угодно ценой, но немедленно, неминуемо должна была прийти к власти. Победа В.И. Лени-на и большевиков стала неизбежной.

Источники

Абрамович Р.А. (1949) Грехи Февраля или отцы и дети. *Социалистический вестник*, 1/2: 10–12.

Абрамович Р.А. (1960) Викжель (ноябрь 1917). *Социалистический вестник*, 4: 96–99; 6: 118–124.

Дан Ф.И. (1923) К истории последних дней Временного правительства. *Ле-топись революции*. Кн. 1. Берлин, Петербург, Москва: Изд. З.И. Гржебина: 161–175.

Дан Ф.И. (1927) Десять лет революции. *Социалистический вестник*, 5/6: 3–12.

Керенский А.Ф. (1922) Февраль и Октябрь. *Современные записки*, 9: 269–293.

Керенский А. Ф. (1936) Заговор генерала Корнилова (ответ генералу Дени-кину). *Новая Россия*, 20: 5–9.

Керенский А.Ф. (1993) *Россия на историческом повороте*. М.: Республика.

Маклаков В.А. (1929) Из прошлого. *Современные записки*, 38: 276–314.

Милюков П.Н. (1921) *История второй русской революции*: В 3-х вып. Вып. 1. *Противоречия революции*. София: Российско-болгарское книгоиздательство.

Милюков П.Н. (1921) *История второй русской революции*: В 3-х вып. Вып. 2. *Корнилов или Ленин?* София: Российско-болгарское книгоиздательство.

Милюков П.Н. (1923) *История второй русской революции*: В 3-х вып. Вып. 3. *Агония власти*. София: Российско-болгарское книгоиздательство.

Милюков П.Н. (1927) *Россия на переломе*: В 2 т. Т. 1. *Большевистский период русской революции*. Париж.

Милюков П.Н. *Мартовская революция*. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 5. Д. 145.

Милюков П.Н. (1955) *Воспоминания (1859–1917)*: В 2 т. Т. 2. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.

Набоков В.Д. (1921) Временное правительство. *Архив русской революции*, 1: 9–96.

Новосильцев Л.Н. *Воспоминания*. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 2–12.

Оболенский В.А. (1988) *Моя жизнь и мои современники*. Париж: YMCA-Press.

Церетели И.Г. (1963) *Воспоминания о Февральской революции*: В 2 кн. Кн. 2. Париж: Mouton.

Чернов В.М. (1918) Из политического дневника. *Мысль*, 1: 199–225.

Чернов В.М. (1923) Отклики прессы. *Революционная Россия*, 32: 19–23.

Чернов В.М. (1927) Аккорды и диссонансы революции. *Революционная Россия*, 62: 7–12.

Чернов В.М. (1934) *Рождение Революционной России (Февральская революция)*. Париж, Прага, Нью-Йорк.

Abramovich R.R. (1962) *The Soviet Revolution, 1917–1939*. New-York: International University Press.

Woytinsky W.S. (1960) *Stormy Passage. A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905–1960*. N. Y.: The Vanguard Press.

THE REVOLUTION OF 1917: WAS THE OCTOBER FINAL INEVITABLE? (according to the emigrant memoirs)

*Lyubov Lisenkova**

Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint-Petersburg, Russia

Citation: Lisenkova L. (2017) *Revolutsiya 1917 goda: byl li neizbezhen oktyabr'skiy final?* (po materialam emigrantskoy memuaristiki) [The revolution of 1917: was the October final

* E-mail: lunili@yandex.ru

inevitable? (according to the emigrant memoirs)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 169–184 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.9>

Abstract. The post-October emigration, which had high intellectual potential and invaluable political experience, left the rich memoirs heritage. Forcible rupture with the Fatherland defined the political content of most of the memories in which the leading theme was the Russian revolution of 1917.

After the end of the monarchy not only the Cadets, but also socialist parties — the Mensheviks and Socialist-Revolutionaries supported the liberal-bourgeois version of the transformation of Russian society. However, in 1917 the democratic forces were unable to ensure the development of the country on the reformist path.

The question of the reasons and responsibility for the October tragedy was the main thing over which the leaders of February reflected in exile.

Most of memoirists were convinced that the Bolshevik final of the Russian revolution could have been prevented, and analyzed the mistakes and miscalculations, which the ruling political parties and their leaders have made. The Cadets accused the moderate socialists that they did not realize the need for decisive measures against the supporters of the utopian experiments. In the summer of 1917 the Cadets saw an alternative to the Bolshevism in establishment of military dictatorship.

The liberals placed personal responsibility for the coming to power of the Bolsheviks on Prime Minister A.F. Kerensky, who «had betrayed» in August 1917 general L.G. Kornilov and have deprived the country of a last chance to create a strong national government.

The Socialist-Revolutionaries and the Mensheviks placed the responsibility for the failure of the democratic process in 1917 on the Bolsheviks and the right-wing forces. According to them, the Cadets constantly delayed the socio-economic reforms and deliberately delayed the convening of the Constituent Assembly, while general L.G. Kornilov's «reckless adventure» finally destroyed discipline in the armed forces, weakened the authority of the government and led to a sharp increase in the influence of the Bolsheviks.

The leader of the Cadet party, P.N. Milyukov made an important sociological law of «the radicalization of the revolution», according to which the Russian revolution could not stop halfway and had to reach the October stage. A professional historian has offered to seek an explanation for the «national character» of the Russian revolution in the past and came to a fatalistic conclusion: “Bolshevism is a specific result of Russian history”.

The theorist of the Socialist-Revolutionary party V.M. Chernov believed that the victory of the Bolsheviks in October 1917 had been the natural and inevitable epilogue of «ochlocratic» degeneration of the Russian revolution.

Political leaders of emigration came to the conclusion that the war had cemented the historical background of the triumph of Bolshevism and had been the main reason for the defeat of democratic forces in 1917.

Keywords: Revolution of 1917, Russian Diaspora, memoirs, Cadets, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, Bolsheviks

References

- Abramovich R.R. (1962) *The Soviet Revolution, 1917–1939*. New-York: International University Press.
- Woytinsky W.S. (1960) *Stormy Passage. A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905–1960*. N. Y.: The Vanguard Press.
- Abramovich P.A. (1949) Grehi Fevralja ili otcy i deti [Sins of February or fathers and children]. *Socialisticheskij vestnik* [The Socialist Herald], 1/2: 10–12 (in Russian).
- Abramovich P.A. (1960). Vikzhel' (nojabr' 1917) [Vikzhel (November 1917)]. *Socialisticheskij vestnik* [The Socialist Herald], 4: 96–99; 6: 118–124 (in Russian).
- Dan F.I. (1923) K istorii poslednih dnei Vremennogo pravitel'stva [To the history of the last days of the Provisional Government]. *Letopis' revoljucii*. Kn. 1. [Chronicle of the Revolution. Book. 1]. Berlin, Petersburg, Moscow: Izd. Z.I. Grzhebina: 161–175 (in Russian).
- Dan F.I. (1927) Desjat' let revoljucii [Ten years of revolution]. *Socialisticheskij vestnik* [The Socialist Herald], 5/6: 3–12 (in Russian).
- Kerensky A.F. (1922) Fevral' i Oktjabr'. [February and October]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary notes], 9: 269–293 (in Russian).
- Kerensky A.F. (1936) Zagovor generala Kornilova (otvet generalu Denikinu) [The conspiracy of General Kornilov (answer to General Denikin)]. *Novaja Rossija* [New Russia], 20: 5–9 (in Russian).
- Kerensky A.F. (1993) *Rossija na istoricheskom povorote* [Russia at the historical turn]. Moscow: Respublika (in Russian).
- Maklakov V.A. (1929) Iz proshlogo [From the past]. *Sovremennye zapiski* [Modern notes], 38: 276–314 (in Russian).
- Milyukov P.N. (1921) *Istorija vtoroj russskoj revoljucii: V 3-h vyp. Vyp. 1. Protivorechija revoljucii* [The History of the Second Russian Revolution: In the 3rd issue. Issue 1. Contradictions of the revolution]. Sofia: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo (in Russian).
- Milyukov P.N. (1921) *Istorija vtoroj russskoj revoljucii: V 3-h vyp. Vyp. 2. Kornilov ili Lenin?* [The History of the Second Russian Revolution: In the 3rd issue. Issue 2. Is it Kornilov or Lenin?]. Sofia: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo (in Russian).
- Milyukov P.N. (1923) *Istorija vtoroj russskoj revoljucii: V 3-h vyp. Vyp. 3. Agonija vlasti* [History of the Second Russian Revolution: In the 3rd issue. Issue 3. The agony of power]. Sofia: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo (in Russian).
- Milyukov P.N. (1927) *Rossija na perelome: V 2 t. T. 1. Bol'shevistskij period russskoj revoljucii* [Russia at the break: In 2 vols V. 1. Bolshevik period of the Russian revolution]. Paris (in Russian).
- Milyukov P.N. *Martovskaja revoljucija* [The March Revolution]. GARF. F 579. Op. 5. D. 145. (in Russian).
- Milyukov P.N. (1955) *Vospominanija (1859–1917): V 2 t. T. 2.* [Memories (1859–1917): In 2 vols V. 2]. New York: Izdatel'stvo imeni Chehova (in Russian).
- Nabokov V.D. (1921) Vremennoe pravitel'stvo [Provisional Government]. *Arhiv russskoj revoljucii* [Archive of the Russian Revolution], 1: 9–96 (in Russian).
- Novosiltsev L.N. *Vospominanija* [Memories. GARF]. GARF. F. 6422. Op. 1. D. 2–12 (in Russian).
- Obolensky V.A. (1988) *Moja zhizn' i moi sovremenniki* [My life and my contemporaries]. Paris: YMCA-Press (in Russian).

Tsereteli I.G. (1963) *Vospominanija o Fevral'skoj revoljucii*: V 2 kn. Kn. 2. [Memories of the February Revolution: In 2 books. Book 2]. Paris: Mouton (in Russian).

Chernov V.M. (1918) Iz politicheskogo dnevnika [From the political diary]. *Mysl'* [Thought], 1: 199–225 (in Russian).

Chernov V.M. (1923) Otkliki pressy [The press responses]. *Revoljucionnaja Rossija* [Revolutionary Russia], 32: 19–23 (in Russian).

Chernov V.M. (1927) Akkordy i dissonansy revoljucii [The chords and dissonances of the revolution]. *Revoljucionnaja Rossija* [Revolutionary Russia], 62: 7–12 (in Russian).

Chernov V.M. (1934) Rozhdenie Revoljucionnoj Rossii (Fevral'skaja revoljucija) [The Birth of Revolutionary Russia (February Revolution)]. Paris, Prague, New York (in Russian).